

МОТИВ СЛАВЫ У НЕОТЕРИКОВ
И В ЛАТИНСКОЙ ЛЮБОВНОЙ ЭЛЕГИИ

Вопрос о происхождении жанра латинской любовной элегии является одним из самых сложных в истории античной литературы. Главная трудность здесь заключается в проблеме наличия или отсутствия греческих образцов;¹ нас в данной статье будет занимать проблема отношения элегии к наиболее близкой по времени поэтической школе — к творчеству неотериков. Влияние последних на элегию не раз отмечалось исследователями;² мы попытаемся проследить эту связь на примере одного элегического топоса. Речь пойдет о мотиве славы.

Как всегда, когда речь идет о неотериках, основной материал нам дает Катулл, но и по фрагментам произведений его товарищей можно, с подобающей осторожностью, делать выводы о творчестве этих поэтов в целом. Что касается разбираемого мотива, мы имеем лишь один не принадлежащий Катутллу фрагмент: «*Saecula permaleat nostri Duxtinna Catonis*»³ («Пусть «Диктинна» нашего Катона переживет века»). Обратим внимание, что речь здесь идет о бессмертии чужих стихов.

Катулл не раз обращается к теме творчества. Он говорит и о воздействии стихов на читателей, и о судьбе самих текстов — разумеется, об их бессмертии. Иногда поэта заботит не вечная слава стихов, а возможность с их помощью прославить (или ославить) кого-либо. Так, мы находим:

6, 15–17 ... quidquid habes boni malique,
dic nobis: volo te ac tuos amores
ad caelum lepido vocare versu.

(Что бы у тебя ни было хорошего или плохого, расскажи нам: хочу тебя и твою любовь до небес воспеть изящным стихом.)

В инвективах поэт не стесняется быть достаточно самоуверенным, когда речь заходит о том, что стихи могут ославить врага. Например:

© Ю. В. Гидулянова, 2004

40, 6–8 ... quid vis? Qua lubet esse notus optum?
eris, quandoquidem meos amorem
cum longa voluisti amare poena.

(Чего ты хочешь? Жаждешь любой ценой стать известным? Станешь, коль решил с долгим наказанием любить мою любовь.)

В стихотворении 12 поэт обращается к Азинию Марруцину, укравшему у него платок, и предлагает тому на выбор:

12, 10–11 quare aut hendecasyllabos trecentos
expecta, aut mihi linteum remitte.

(Так что или ожидай триста гексасиллабов, или верни мне платок.)

Видимо, за этими гексасиллабами последует все та же слава — ведь только в этом случае угроза имеет смысл.

Тон Катутлла меняется, когда речь заходит о поэтах-единомышленниках и их творчестве. Другим и их стихам он желает вечной славы:

95, 5–6 ... Zmyrna cavas Satrachi penitus mittetur ad undas
Zmyrnam cana diu saecula pervoluent.
(«Смирна» отправится к глубоким волнам Сатраха, седые века долго будут листать «Смирну».)

Примечательно, что в этом же стихотворении Катутлл называет поэму друга словом *monumenta*:

95, 9–10 ... parva mei mihi sint cordi monumenta sodalis
at populus tumido gaudeat Antimacho.
(Мне пусть будет по сердцу маленький памятник моего товарища, а народ пусть наслаждается напыщенным Антимахом.)

Не забывает Катутлл и о себе:

1, 10 ... plus uno maneat perenne saeclo!
(«Моя книжка» пусть проживет больше одного века.)

Таким образом, у Катутлла можно выделить следующие варианты мотива славы: дурная или хорошая слава для объекта воспевания как следствие стихов; уверенность в силе стихов; призыв к

стихам о помощи: можно предположить ход мыслей поэта — стихи принесут славу; стихи — свои или чужие — переживут века.

Похожая картина возникает и при попытке классифицировать случаи обращения к теме славы у элегиков. Так, слава всегда ждет женщину, которой поэты посвящают свои стихи.

Ov. Am. II, 17, 27–30 Sunt mihi pro magno felicia carmina censu
Et multae per me nomen habere volunt.
Novi aliquam, quae se circumferat esse Corinnam
Ut fiat, quid non illa dedisse velit?

(Мои удачные стихи дорого стоят, и многие хотят иметь имя с моей помощью. Я знаю одну, которая провозглашает повсюду себя Коринной. Чего бы она ни отдала, чтобы ею стать?)

О связи этого мотива с неотериками, на наш взгляд, говорит тот факт, что Проперций сам называет своих предшественников в весьма красноречивом контексте:

Prop. II, 25, 3–4 ... ista meis fiet notissima forma libellis
Calve, tua venia, pace, Catulle, tua.

(Она будет известнейшей благодаря моим книжкам, с твоего разрешения, Кальв, с твоего позволения, Катулл.)

Элегики, как и Катулл, прекрасно осознают, какую силу имеют стихи, как привлекательна для женщины перспектива оказаться прославленной знаменитым поэтом:

Tib. II, 4, 19–20 ... ad dominam faciles aditus per carmina quaero
Ite procul, Musae, si nihil ista valent.

(Я ищу легкого пути к госпоже с помощью стихов. Музы, идите прочь, если они ничего не стоят.)

Prop. II, 5, 5–6 ... inveniam tamen e multis fallacibus unam
Quae fieri nostro carmine nota velit

(Я же найду среди многих обманщиц такую, которая захочет стать известной с помощью моих стихов.)

Катулл когда-то угрожал неверной возлюбленной, рисуя той мрачную перспективу одиночества (8, 15–19). Проперций же угрожает женщине бесславием:

Prop. II, 12, 21 ... quam si perdideris, quis erit qui talia cantet
(haec mea Musa levis gloria magna tua est)

qui caput et digitos et lumina nigra puellae
et canat ut soleant molliter ire pedes?

(Если ты ее (мою тень) погубишь, кто будет петь об этом?
(Эта моя легкомысленная Муза — твоя великая слава),
кто будет воспевать голову, и пальцы, и черные глаза де-
вушки, и кто будет петь о том, как нежно ступают ноги?)

Иногда результат прославления женщины в стихах может неожиданно оказаться плачевным. Так, Овидий сокрушается (не без свойственной всем элегикам самоуверенности), что его элегии оказали самое дурное влияние на поведение его возлюбленной:

Am. III, 12, 7–8 ... fallimur, an nostris innotuit illa libellis?
Sic erit: ingenio prostitit illa meo.
Et merito: quid enim formae praeconia feci?
Vendibilis culpa facta puella mea est.

(Я ошибаюсь, или она стала известна благодаря нашим книжкам? Так будет: благодаря моему таланту она пошла по рукам. И по заслугам: ведь зачем я прославлял красоту? Девушка стала продажной по моей вине.)

Характерной чертой латинской любовной элегии является использование устоявшихся общих мест,⁴ некоторые из которых имеют свою долгую историю в поэзии и в элегию пришли уже в развитом виде, а другие переживают свой расцвет именно в поэзии эпохи Августа. Иногда поэты разворачивают целую элегию на основе одного мотива (особенно увлекается этим методом Овидий — можно вспомнить, например, его элегии Am. I, 6 и 9), но чаще мотивы тесно и весьма прихотливо переплетаются внутри одного стихотворения или даже одного стиха. Так, весьма распространенная в элегии тема «богатого любовника» (которого женщина (или мальчик) либо предпочитает бедному поэту либо отвергает) не раз встречается рядом с темой славы:

Tib. I, 4, 61–66 Pieridas, pueri, doctos et amate poetas
Aurea nec superent munera Pieridas.
Carmine purpurea est Nisi coma: carmina ni sint,
Ex umero Pelopis non nituisset ebur.
Quem referent Musae, vivet, dum roborata tellus,
dum caelum stellas, dum vehet amnis aquas.

(Мальчики, любите Пиэрид и ученых поэтов, и пусть золотые дары не будут ценней Пиэрид. Благодаря стихам краснеет волос

Ниса, если бы не стихи, не сверкала бы слоновая кость на плече Пелопа. О ком расскажут Музы, будет жить, пока растут дубы на земле, пока на небе есть звезды, пока река несет свои воды.)

Овидий в «Науке любви» (III, 535–552) также учит не требовать от поэта денег — ведь поэт может принести женщине славу.

Как мы уже видели у Катутла, слава, которую доставляют герою (героине) стихи, может быть не только хорошей, но и дурной. Это прекрасно понимают и элегики — в качестве примера приведем весьма яркие слова Проперция, который, угрожая отомстить Кинфии за неверность, обещает не побить ее на деревенский манер, не разорвать на ней одежду, а сделать это более подходящим поэту способом — написать порочащий ее стих:

II, 5, 29–30 *crede mihi, quamvis contemnas murmura famaе,
Nec tibi pallori, Cynthia, versus erit*
(Верь мне, хоть ты и презираешь шепот молвы: этот стих,
Кинфия, заставит тебя побледнеть.)

Итак, мы видели, что представители жанра элегии часто и с удовольствием говорят о будущей славе своих возлюбленных, славе, которая окажется следствием их стихов. Здесь нам кажется уместным сделать небольшое отступление и обратиться к найденному чуть больше 20 лет назад фрагменту, возможно, самого Корнелия Галла — родоначальника жанра, судьба которого в латинской литературе была столь же короткой, сколь и блестящей.

В 1979 г. в «The Journal of Roman Studies» был опубликован фрагмент, приписанный Корнелию Галлу на основании упоминания имени Ликориды.⁵ Атрибуция фрагмента, предложенная издателями, сразу же вызвала споры.⁶ Однако независимо от того, кто является автором этого стихотворения (или этих стихотворений — перед нами либо три эпиграммы, либо фрагмент одной элегии), представляется интересным проанализировать одну из частей фрагмента с точки зрения топоса славы. Интересующие нас стихи editores principes восстанавливают следующим образом:

vv.6–7 *... tandem fecerunt carmina Musae
quae possem domina deicere digna mea...*

Они же предлагают следующий перевод: «At last the Muses have

made poems that I could utter as worthy of my mistress» («Наконец Музы создали стихи, которые я могу произнести как достойные моей госпожи»).

Джузеппе Джангранде писал: «Все элегики полагали и провозглашали, что их возлюбленная — самая лучшая из женщин. Автор разбираемых эпиграмм (Джангранде настаивал на том, что этот фрагмент не принадлежит Галлу. — Ю. Г.) не был исключением из этого правила: его domina столь блистательна, что только стихи, созданные самими Музами достаточно хороши для нее».⁷ Однако, как уже замечалось исследователями,⁸ Музы нередко выступают авторами стихов как в греческой, так и в римской поэзии, и, кажется, вполне можно говорить об отождествлении самого поэта с Музами. Необычным представляется другое: наш поэт задумывается о том, достойны ли его стихи своего предмета. Выше было сказано о разнообразиях топоса славы у элегических поэтов. Все три поэта с удовольствием говорят о том, что возлюбленная будет навечно прославлена в их стихах, о том, что их стихи нравятся женщине, о том, что женщина сама является источником вдохновения, своего рода толчком к творчеству. Но поэты (при том, что своих возлюбленных они восхваляют сверх всякой меры: Prop. II, 3) крайне редко задумываются о том, достойны ли их стихи той, кого они воспевают. Лигдам прямо заявляет обратное: III, 1, 8 *gaudeat, ut digna est, versibus illa meis* (пусть она радуется моим стихам, если достойна их). Близкая мысль звучит и у Овидия:

Am., I, 10, 59–60 *Est quoque carminibus meritas celebrare puellas
Dus mea: quam volui, nota fit arte mea.*

(Мой дар — воспевать в стихах заслуживших девушек: какая захочу, становится известной благодаря моему искусству.)

Проперций также считает, что его стихи могут осчастливить женщину:

Prop. III, 2, 15 *Fortunata meo si qua est celebrata libello
(Счастлива, если прославлена моей книжкой.)*

Единственным, пожалуй, исключением является стих Овидия Am., I, 3, 20, на который обращает внимание в связи с фрагментом Галла А. Холлис:⁹

Te mihi materiem felicem in carmina praebere:

Provenient causa carmina digna sua.

(Ты предоставь мне себя удачной темой для стихов: стихи получатся достойными своего предмета.)

Обращает на себя внимание похожее положение слов в концовке пентаметра: *deicere digna mea* в нашем фрагменте и *carmina digna sua* Овидия. Однако в данном случае поэт кажется вполне уверенным в том, что сможет писать стихи, безусловно достойные той, о которой он пишет, тогда как автор разбираемого фрагмента с явной радостью говорит о том, что Музы «наконец» создали стихи, достойные его *domina*.

Более того, в этой элегии Овидий, после длительных мечтаний о счастливой совместной жизни с возлюбленной, говорит о посмертной славе для себя и любимой, славе, которая суждена им благодаря стихам поэта. По мнению Овидия, эта слава будет равна славе Ио, Леды и Европы. То есть у Овидия прослеживается абсолютная уверенность в том, что он способен создать такие стихи. При этом он не забывает и о себе:

25–26 *Nos quoque per totum pariter cantabimur orbem
Iunctaque semper erunt nomina nostra tuis.*

(О нас наравне будут петь по всему миру, и мое имя всегда будет связано с твоим.)

Сама идея соответствия стихов адресату не чужда латинской поэзии. *Editores principes* в своем комментарии приводят две параллели к этому месту:

*Lucr. III, 420 digna tua pergam disponere carmina cura
Verg. Culex, 10 ut tibi digna tuo poliantur carmina sensu...*

Последний пример особенно интересен тем, что уже в следующих стихах Вергилий говорит о том, что *Phoebus erit auctor carminis*, т. е. здесь оказываются рядом две те же мысли, что и в нашем фрагменте: божественные силы создали (создадут) стихи, достойные своего адресата. Но, повторим, в элегии мы не нашли ни одного проявления этой мысли, и дистих Овидия, указанный Холлисом, остается наиболее близким к нашему фрагменту. Скромность нашего поэта (насколько можно говорить о скромности рядом с упоминанием стихов, которые *Musae fecerunt*) выглядит едва ли не уникальной в рамках жанра.

Наконец, необходимо сказать о третьей разновидности мотива славы в элегии — разновидности, которую мы, следуя за Горацием, назовем *monumentum* поэта. «Всякий поэт, пишущий о славе, должен был иметь в виду оду Горация III, 30».¹⁰ Примеров обращения элегических поэтов к теме собственного бессмертия через бессмертие стихов немало. Так, этой теме почти полностью посвящены две первые элегии третьей книги. О связи этих элегий со знаменитой одой Горация было написано немало. Считается, что Проперций в элегиях III, 1–5 (элегиях, составляющих единый блок) сознательно состязается с Горацием и едва ли не пародирует его.¹¹ При сопоставлении элегических «памятников» с одой Горация и финалом «Метаморфоз» Овидия обращает на себя внимание различие в том, как поэты ограничивают свою будущую славу. Овидий в «Метаморфозах» и Гораций в III, 30 вводят географические ограничения:

*Hor., III, 30, 10–12 dicar, qua violens obstrepit Aufidus,
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum...*

(Обо мне будут говорить, где шумит буйный Ауфид, и где бедный водой Давн правил дикими народами.)

*Ov. Met. XV, 877–878 quaque patet domitis Romana potentia terris
Ore legar populi...*

(Меня будут читать уста народа повсюду, где римское могущество будет править на покоренных землях.)

В любовном контексте действуют совсем другие ограничения. Здесь поэты заявляют, что стихи их будут цениться в соответствии с их тематикой, т. е. их будут с пользой для себя читать люди, оказавшиеся в сходной романтической ситуации:

Ov. Am. III, 15, 38: atque a sollicito multus amante legar... (и меня много будет читать взволнованный любовник).

III, 2, 19–20 libellus/ quem legat expectans sola puella virum (книжка, которую пусть читает в одиночестве девушка, ожидая мужчину).

Prop. I, 7, 13–14: me legat assidue post haec neglectus amator/ et prosint illi cognita nostra mala (меня пусть усердно читает отверженный любовник, и пусть пойдет ему на пользу то, что он узнает наши беды).

23–24: nec poterunt iuvenes nostro reticere sepulcro/ «ardoris nostri, magne poeta, iaces» (и юноши не смогут обойти молчанием нашу могилу «здесь ты лежишь, великий поэт нашего пыла»).

В этой же элегии Проперций говорит и о том, что своей гря-

дущей славой он обязан и исключительным качествам своей возлюбленной: v.11 *Me laudent solum doctae placuisse puellae...* (меня будут хвалить за то, что я один понравился ученой девушке).

Эта тема — ограничение будущей славы по жанровому признаку — близка к другому, очень распространенному в латинской любовной элегии мотиву «отказ от эпоса». Однако не всегда поэты ограничивают славу таким образом — Проперций, например, вводит и географические ограничения:

II, 7, 17–18 *hinc etenim tantum meruit mea gloria nomen
Gloria ad hibernas lata Borysthenidas.*

(Отсюда моя слава заслужила имя, слава, распространенная до жителей холодных берегов Борисфена.)

III, 1, 35 *meque inter seros laudabit Roma nepotes...*
(Рим будет славить меня среди дальних потомков.)

Интересно отметить, что у Проперция и Овидия возникает оттенок обиды на современников (при том, что оба часто говорят о своей необычайной и вполне прижизненной популярности: например, Prop. II, 24, 2;), во всяком случае, оба подчеркивают, что после смерти их ждет слава большая, чем при жизни:

Prop. III, 1, 21–24 *at mihi quod vivo detraxerit invida turba
Post obitum duplici fenore reddet Honos.
Omnia post obitum fingit maiora vetustas
Maius ab exequiis nomen in ora venit.*

(А мне после смерти почет с двойной прибылью вернет то, что при жизни отняла завистливая толпа. Древность после смерти все изображает большим, большее имя идет на уста после похорон.)

Ov. Am. I, 15, 39–42 *Pascitur in vivis Livor: post fata quiescit
Cum suus ex merito quemque tuetur honos.
Ergo etiam cum me supremus adederit ignis
Vivam, parsque mei multa superstes erit.*¹²

(Зависть живет среди живых: после смерти успокаивается, когда каждого встречает по заслугам свой почет. Так же и я буду жить после того, как пожрет меня последнее пламя, и большая часть меня окажется в живых.)

Близкие соответствия с Hor. III, 30 и Ov. Met. XV, 871–879 мы находим в элегии Проперция III, 2. Все три поэта используют од-

ни и те же образы для выражения одной и той же мысли, но используют их по-разному. Проперций, как и Гораций, употребляет слово *monumentum*, но без переноса значения — не «я создал памятник», а «столькие мои стихи будут памятником твоей красоте» (v.16 *carmina erunt formae tot monumenta tuae*). Далее поэт говорит о том, что творения человеческих рук недолговечны и не могут претендовать на долгую славу:

vv. 21–22 *aut illis flamma, aut imber subducat honores
annorum aut ictu, pondere victa, ruent.*

(У них или пламя, или дождь отнимет почести, или они рухнут, побежденные тяжестью, под ударом лет.)

Из трех названных здесь причин гибели «материальных ценностей» две совпадают со «списком» Горация (дождь и время), две — со «списком» Овидия (огонь и время; у Овидия *edax vetustas* переключается с *imber edax*). Гораций говорит, что его памятник выше «царственного положения пирамид». У Проперция забвение и гибель ожидают также пирамиды, которые названы, как и у Горация, иносказательно; Проперций смещает акценты, вводя намек на тему «бедности поэта».¹³ v. 17 *pyramidum sumptus ad sidera ducti*. Видимо, такая же реминисценция и в *annorum ictu*: у Горация *annorum series*

Таким образом, в элегии можно выделить те же три разновидности мотива славы, что и у неотериков: слава для героя (героини) стихов; сила стихов, с помощью которых можно чего-либо добиться (либо благодаря их убедительности, либо благодаря их способности принести хорошую или дурную славу); будущая слава поэта. Тема, которая у неотериков кажется естественной для столь внимательно относящихся к своему творчеству поэтов, у элегических поэтов стоит в одном ряду с другими общими местами, которыми так богата латинская любовная элегия.

Примечания

¹ Leo F. *Plautinische Forschungen*. Berlin, 1895; Jacoby F. *Zur Entstehung der römische Elegie // Rheinisches Museum*. 1905; Day A. *The Origins of Latin love elegy*. Oxford, 1938; L'influence grecque sur la poésie latine. Genève, 1953; etc.

² L'influence grecque... P. 85; Williams G. *Change and decline: Roman literature in the Early Empire*. Berkeley, 1978. P. 111.

³ Cinna, fr.14: *Fragmenta poetarum Romanorum / Ed. by A. Baehrens*. Lips, 1886.

⁴ Классификации мотивов в элегии посвящена специальная работа: *Müller R. Motivkatalog der römische Elegie. Zürich, 1952.*

⁵ *Anderson R. D., Parson P. J., Nisbet K. G. M. Elegiacs by Gallus from Qasr Ibrim // The Journal of Roman Studies. 1979. Vol. LXIX.*

⁶ См., напр.: *Giangrande G. An alleged fragment by Gallus // Quaderni urbinati di cultura classica. 1980. N 5(34); Sickle J. van. Neget quis carmina Gallo? // Quaderni urbinati di cultura classica. 1981. N 38.*

⁷ *Giangrande G. An alleged fragment by Gallus. P. 151.*

⁸ *Lieberg G. Les Muses dans le papyrus attribué à Gallus // Latomus. 1987. Vol. XLVI. P. 527-544.*

⁹ *Hollis A. S. The New Gallus // Classical Quarterly. 1980. N 30. P. 541-542.*

¹⁰ *Thill A. Alter ab illo: recherches sur l'imitation dans la poésie personnelle à l'époque augusteene. Lille, 1976. P. 383.*

¹¹ *Nethercut W. R. Virgil and Horace in Bucolic 7 // Classical World. 1968. N 62. P. 93-98; The Ironic Priest // American Journal of Philology. 1970. Vol. 91. P. 385-407; Solmsen F. Propertius and Horace. CPh. 1948. Vol. 43. P. 105-109.*

¹² В конце жизни Овидий, по-видимому, изменил свое мнение на этот счет: Tr. IV, 10, 121-122: *tu mihi, quod rarum est, vivo sublime dedisti/ nomen ab exsequiis quod dare fama solet.* Возможно, однако, что выражение обиды на современников было чертой той немного кокетливой литературной игры, которую Овидий вел с читателями именно в любовной поэзии.

¹³ *Propertius. Sextus Aurelius. Elegies I-V / Ed., introd., comment. by L. Richardson. Oklahoma, 1977. P. 324.*